

# Концерт Михаила Александровича

Средь новых сил советского вокального искусства в последние годы стал приобретать популярность солист Литовской филармонии Михаил Александрович. Росту его признания содействует не только исполнительское мастерство и обширность репертуара, но и интенсивная концертная деятельность певца, совершающего большие гастрольные поездки по всей стране. Александрович поет много и схотно, с искренней преданностью своему искусству, что всегда находит отклик у советских слушателей. Примечательна содержательность репертуара Александровича, в котором можно найти произведения различных музыкальных стилей и эпох — от старинных мастеров западно-европейской музыки до народных итальянских, испанских и еврейских песен, от шедевров камерной вокальной лирики до популярных арий оперной литературы. В последнее время в программах певца все большее место начинают занимать произведения русской музыки. Заслуживают внимания также и его поиски разнообразных форм концертных выступлений, например, исполненная недавно совместно с К. Эрдели программа старинной вокальной музыки под аккомпанемент арфы.

Концерт Александровича, состоявшийся накануне в Большом зале Московской консерватории, был посвящен в основном романсам Чайковского и оперным ариям Доницетти, Верди, Бизе, Леонкавалло и других. Мастерство певца наиболее ярко проявилось в итальянской оперной музыке позднейшего периода. Хорошее владение вокальными средствами позволяет Александровичу, несмотря на лирический характер голоса, достигать эффектов драматической выразительности, свойственных веристской оперной школе (аризо Канио из оперы Леонкавалло «Паяцы», ария Фредерико из «Арлезианы» Чилеа и др.). В этом певцу помогает умелое использование динамических контрастов, несколько подчеркнутая декламация. Лучше всего, однако, Александрович пользуется различными оттенками piano, его колористическими возможно-

стями. Мастерство нюансировки и верное ощущение вокальной линии сказались, например, в исполнении известного романса Надира («Искатели жемчуга» Бизе), спетого Александровичем в хороших вокальных традициях. Выразительно поет Александрович речитатив Фредерико из «Арлезианы» Чилеа, хотя оперный образ и не требует такой детализированной отделки музыкальной фразы, более свойственной камерному исполнительству. Несколько изысканно трактует Александрович народные песни, в исполнении которых хотелось бы большей непосредственности чувства, простоты и цельности мелодических образов.

Александровичу предстоит еще большая работа над овладением стилем русской вокальной музыки. Глубокий реализм вокальной музыки русских композиторов, и особенно Чайковского, заключается в теснейшей связи ее интонационных образов с эмоционально-психологическим содержанием текста, человечески простого и правдивого. Поэтому всякая «перегрузка» выразительными эффектами из условного арсенала итальянской оперы (резкие замедления, контрасты, длительные остановки на одном звуке и т. д.) в русской музыке неизбежно воспринимается как мажорность. Это ощущалось в исполнении Александровичем романсов «Ни слова, о друг мой!», «Зачем» (которому певец придал совершенно несвойственный патетический характер), «Мы сидели с тобой» и даже «Серенады Доч-Жуан», в которых преобладали излишне замедленные темпы, а частые ритмические отступления нарушали стройность музыкальной формы. Значительно лучше были спеты ария Ленского и романс «Средь шумного бала».

Певцу нужно пожелать продолжения работы над русской классической и современной вокальной литературой, что, несомненно, не замедлит сказаться на дальнейшем росте его мастерства и художественного вкуса.

Е. ГРОШЕВА.

ИЗВЕСТИЯ  
г. МОСКВА

15 ИЮН 46